О ЗНАЧЕНИИ ОДНОГО ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ ДЛЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКИХ ПОКОЛЕНИЙ В РОССИИ[1]

А.В. Павлов
Институт философии РАН

Аннотация: *Статья представляет собой размышление на тему «философских поколений» в России. Автор начинает с того, что если сложно рассуждать о поколениях вообще, то о «философских поколениях» и подавно. Поэтому он сосредотачивается на описании своего опыта, связанного с академической философией в России. Особое место автор уделяет философскому факультету МГУ, Институту философии РАН, а главное – журналу «Логос». На примере последнего автор показывает, как в России за последние пятнадцать лет гуманитарная наука вообще (и философия, в частности) завоевывала все новые пространства и приближалась к тому, чтобы сравняться с уровнем мировых исследований.*

Ключевые слова: *Логос, популярная культура, философский факультет МГУ, Институт философии РАН, поколение Х.*

Разговор о «философских поколениях», мне кажется, начинать еще труднее, чем разговор о поколениях вообще. Рассуждать о поколениях трудно по многим причинам. Так, даже если взять за определение поколения то, что это люди, у которых есть некое единство опыта, проще не станет. Дело в том, что поколения – группы приблизительно одного возраста – на протяжении долгого времени в разных странах отличались друг от друга по тому самому приобретенному опыту и, возможно, в силу этого по разделяемым ценностям. В этом смысле условные хиппи в США и Великобритании и шестидесятники в СССР – совершенно разные поколения, хотя вроде бы должны быть единым. Следовательно, приходится говорить о поколениях в отдельно взятой стране. Но здесь мы сталкиваемся с очередной трудностью. С усилением глобализации (в данном случае скорее культурной, чем экономической) многие люди в разных странах впитали ценности условно «Гарри Поттера» (это, как я считаю, то, что объединяет поколение «зумеров», или поколение «Z»), и вот мы видим уже единое поколение, сформированное, правда, конкретными культурными продуктами и ценностями. Тем самым страновые поколения сменяются единым поколением, глобальным.

Другая проблема определения поколений состоит в том-то, что социологи и психологи до сих пор не пришли к единству в отношении как хронологических, так и сущностных кри-

[1] См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 851–861.

DOI: 10.18522/2949-0707.2023.4.133140

териев поколений[2]. Мы, например, знаем поколения X, Y и Z, но вот что именно скрывается за этими загадочными буквами, не всегда ясно. У культурологов, социологов и психологов свои представления о том, что считать поколениями. Многие из них к тому же стремятся переопределять существующие поколения как хронологически, так и сущностно. Кроме того, мы встречаемся с проблемами поколений, представленных сегодня, в массовой культуре: множество шуток о (тридцатилетних) бумерах, миллениалах и зумерах – тому яркое подтверждение [Павлов 2019] . Все эти критерии и трудности накладываются друг на друга так, что прийти к какой-то степени генерализации поколений фактически невозможно. И на этом фоне теоретической, методологической и эмпирической многоголосицы мы сталкиваемся с понятием «философское поколение».

Откровенно говоря, лично я не могу даже описать мое поколение как таковое или даже прочувствовать некое с ним единство (в одной типологизации, например, я принадлежу поколению X, а в другой – Y), что уж рассуждать о философском поколении? Тем более рассуждать о поколениях мне мешает одно обстоятельство: я не чувствую поколенческого конфликта, условного противостояния «отцов и детей» (а на новом языке – бумеров и зумеров). Видимо для того, чтобы понимать поколения, нужно прежде всего чувствовать некоторую любовь-ненависть к «отцам» и иметь желание сделать по-другому и лучше. Этого, как мне видится, нет. Наоборот, молодые исследователи и преподаватели чаще всего относятся с пиететом к своим учителям, что, разумеется, не может не радовать.

Иными словами, у меня всегда было ощущение, что есть некоторые условно определяющие фигуры от философии, но они символизируют не столько поколение, сколько смену парадигм в истории (как правило, институциональной) философии. Те же, кто открыто признается в ненависти к «отцам», не просто считаются маргиналами, но очень быстро исчезают из поля видимости, уходя в какие-то иные сферы работы. Здесь речь идет не о поколениях, а об индивидуальных особенностях конкретных личностей (если бы бунтовали целые «поколения», тогда бы разговор был другим). Но, не уклоняясь от поставленной задачи, я хочу порассуждать о «философских поколениях». То есть я попробую искусственно воссоздать поколенческий конфликт, показав, что в действительности его нет и никогда не было. При этом я просто опишу свой опыт, не претендуя на какую-либо его генерализацию. Здесь же отмечу, что хотя сам я никогда не участвовал в работе философского поколения, в университетах (прежде всего МГУ) всегда были талантливые студенты, которые объединялись в кружки по интересам и в самом деле приобретали некий единый опыт. Однако я бы не торопился называть это поколениями. Скорее в каждом таком случае, включая мой, речь идет о разных формальных и неформальных объединениях, совокупность которых представляет условное поколение, но на деле не может быть описано как таковое. Потому что каждая часть из суммы этих частей больше целого.

Мне повезло учиться на философском факультете МГУ, а следовательно, у меня была возможность видеть почти всех работающих философов вживую. Не только слушать их лекции, но и даже общаться. Наверное, любой, кто встречался с людьми, книги которых он читал в молодости и с которыми вдруг получал возможность поговорить, поймут это чувство. Несмотря на то, что я учился на отделении политологии, с первого курса я решил заниматься философией, но в рамках социально-политической проблематики. Благо, многие из преподавателей политологии ожидаемо были ориентированы философски, например Александр Сергеевич Панарин, который возглавлял кафедру теоретической политологии в МГУ и сектор социальной философии в Институте философии РАН – то есть на институциональном уровне объединял единство социально-политической проблематики философии в России.

Здесь мне бы хотелось вспомнить Владимира Васильевича Миронова – человека, определявшего облик и суть философского факультета МГУ на несколько десятилетий вперед.

[2] В целом о поколениях и о миллениалах конкретно см.: Радаев 2019.

Я пришел на факультет, когда он три года его уже возглавлял, и после я мог следить за тем, как развивается философия в МГУ. Даже тогда, когда я уже не имел почти никакого отношения к alma mater, мы поддерживали связь, и Владимир Васильевич оказал мне честь, став оппонентом на защите моей докторской. Этот опыт для меня очень важен, потому что сегодня я могу понять, что, возможно, не зря учился в университете и занимался философией.

Еще будучи школьником, в рамках подготовительного лектория я с удовольствием слушал лекции доцента исторического факультета МГУ Андрея Левандовского. Андрей Анатольевич тогда много цитировал «Былое и думы» Александра Герцена как исторический источник и советовал всем прочитать книгу. Этим советом я воспользовался, еще будучи школьником. В итоге поступив в университет, я решил, что в будущем буду заниматься историей русской социальной мысли и, в частности, идеями Герцена. Этим я и занимался в течение всего последующего обучения. Когда я был на четвертом курсе, доцент кафедры истории русской философии Алексей Павлович Козырев посоветовал мне походить на специальный курс Бориса Вадимовича Межуева. Борис Вадимович как раз занимался историей русской политической философии, что совпадало с моим интересом – не только пересказывать учение того или иного автора, но представлять его в более широком интеллектуальном контексте и каким-то образом концептуализировать идеи. Это знакомство оказало на меня очень большое влияние. Борис Межуев своими занятиями и текстами показывал, как можно заниматься русской мыслью (и современной политической философией вообще) нетривиально. И мне даже сегодня сложно назвать кого-то, кто бы в этой области был настолько же философичен в хорошем смысле.

Вместе с тем помимо традиционной науки меня интересовало еще кое-что. И здесь мы встречаемся с культурологическим пониманием поколений. По некоторым подсчетам, я могу считать себя одним из последних представителей «поколения X». В США это были те, кто пришел на смену яппи и чьими установками были: нежелание участвовать в «крысиной гонке» (строить головокружительную карьеру), но вместо этого «проживать свою жизнь» как уникальный опыт. Эти ценности, с одной стороны, были выражены в фильме Ричарда Линклейтера «Бездельник», а с другой – в книге Дугласа Коупленда «Поколение X». Некоторые авторы считают третьим идеологическим источником мировоззрения этого поколения – творчество группы «Nirvana» [Lee 2010]. Последнее мне скорее было чуждо, а вот первые два кита ценностей «иксов» всегда вызывали живой отклик. Что важно, так или иначе ценности «поколения X» были завязаны в том числе на искренней любви к американской популярной культуре. На этом основании сам я всегда причислял себя к этому поколению, но не в философском плане, а к поколению вообще.

Так вот. На одном из первых курсов я пришел на субботнюю лекцию, которая шла первой парой (можете вообразить мою тягу к знаниям?). И на партах полуточной аудитории имени Герцена (ауд. 1156) лежали брошюры какого-то иностранного издательства. Листая их, я с удивлением обнаружил, что на английском языке вышла книга «“Симпсоны” и философия». Тогда поверить в такое было трудно. И вообще сама идея мне показалась дерзкой: несмотря на то, что я любил этот сериал, сложно было понять, как такую возвышенную вещь, как философия, можно смешивать с продуктом популярной культуры. Спустя несколько лет книгу издали на русском в рамках проекта Ильи Кормильцева [«Симпсоны» как философия… 2005]. Я помню, как на одной из книжных ярмарок у стенда этого издательства не было возможности приткнуться – то был резкий контраст с остальными стеллажами. Дело в том, что это не просто милое воспоминание, но историческая зарисовка того, как в России начинали принимать популярную культуру всерьез.

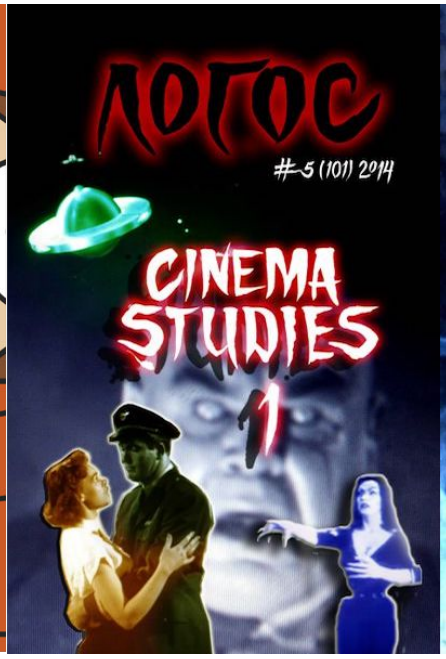
Прочитав книгу, я понял, как можно работать с полученным философским багажом и эмпирическим материалом популярной культуры. Эта традиция уже давно существовала на Западе, но к нам она пришла слишком поздно. Уже после окончания университета, осмелев, я отправил статью в журнал «Полис» (на тот момент главный политологический журнал

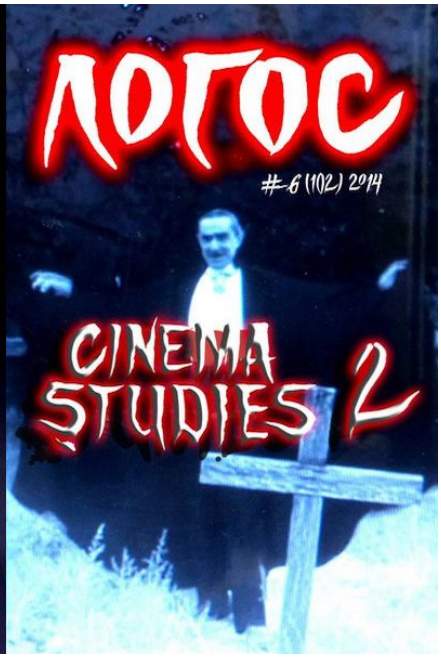
в России), посвященную политическому анализу сериала «Симпсоны». Каково же было мое удивление, что главный редактор ее принял, посчитав текст провокационным (в хорошем смысле) и оживляющим журнал. Тогда в общем стало ясно, что и как про это можно писать. Хотя очевидно, что некоторые коллеги могли считать такое направление в научных исследованиях не слишком серьезным. Между тем, поскольку я искренне любил популярную культуру, на которой вырос, мне хотелось не столько заниматься историей русской мысли, но развивать именно это направление исследований – философский анализ масскульта. К счастью, спустя несколько лет мне представилась возможность реализовать эти амбиции.

Можно не сомневаться, что одним из главных журналов, оказавших колоссальное влияние на интеллектуальную жизнь в России, всегда был журнал «Логос». Его главный редактор – Валерий Анашвили – придумал издание, еще когда сам был студентом. Возможно, он руководствовался именно этим поколенческим желанием – делать философию по-другому, говорить о новых вещах, и говорить по-новому. Однако и это не было бунтом. Валерий всегда относился ко многим старшим коллегам и друзьям с уважением и был рад печатать их на страницах журнала. Я не занимался историческими поисками подробно, то есть не слишком хорошо знаю о контенте 1990-х (хотя кое-что знаю), но определенно, когда я был студентом, журнал имел невероятное влияние. Каждый раз в книжной лавке в первом корпусе гуманитарных факультетов новые номера разбирали очень быстро. В целом в 2000-е издание было предназначено не только для того, чтобы публиковать там просто статьи, но скорее представлять на страницах новейшие темы, новейших авторов и открывать неизвестные в России имена (например, я до сих пор удивляюсь, когда обнаруживаю в журнале нужные мне сегодня переводы Фредрика Джеймисона, Йорана Терборна, Квентина Скиннера, Кристофера Лэша и т. д.). Какая бы проблема меня ни интересовала, я всегда находил по ней материалы в «Логосе», включая новые подходы к герценоведению. Кроме того, журнал всегда был рефлексивным – в нем освещались темы, например, состояния аналитической философии или феноменологии в России.

В целом невероятное качество Валерия Анашвили как главного редактора издания заключается в том, что он, хотя лично занимается исследованием Витгенштейна (и буквально в этом году издал перевод важнейшего источника с предисловием [Витгенштейн 2020]), сам всегда открыт всему новому, а вместе с этим и новым (читай: молодым) людям, которые обращались к нему с темами для того, чтобы раскрыть на страницах журнала. Очень многие начинающие философы, сегодня известные в России, начинали свою публичную философскую жизнь в журнале «Логос». Так получалось потому, что именно там они могли как авторы писать о тех вещах, о которых до тех пор было не принято говорить – бесценный опыт и площадка. Это отражалось и на редакционной коллегии, куда без труда могли (и могут) попасть люди без официального звания или статуса, но которые, будучи молодыми исследователями, уже стали авторитетами в философии.

С Валерием мы познакомились еще в 2000-е и сотрудничали по другим проектам, но к редакции «Логоса» я присоединился немного позже. В общем, в начале 2010-х я получил возможность реализовать свою страсть к изучению популярной культуры и на деле доказать приверженность ценностям «поколения X». В 2012 году я стал редактором-составителем двух номеров. Один был посвящен философии «Южного парка» (второй темой была более традиционная – революция, которой я занимался еще со студенческих лет, к слову, вместе с Борисом Вадимовичем Межуевым [Концепт «революция»… 2008]). Создатели сериала «Южный парк» сами были представителями «поколения X». И, несмотря на всю абсурдность и пошлость этого шоу, оно всегда пропагандировало одно – здравый смысл – как подтвердит любой, кто пытался делать то же самое – не такая уж и простая задача. В статьях, посвященных «Южному парку», можно найти много ценнейшего фактического материала о «поколении X» и значении популярной культуры для гуманитарной науки [Бэккер 2012].





В 2014 году я также стал редактором-составителем двух томов «Логоса» «Cinema Studies». В этих выпусках я попытался адекватно представить, как выглядит западное киноведение и как опять же с этим материалом можно было бы работать в России. Замечу, что я не хотел упразднять старое, но всего лишь дать возможность представить место чему-то новому. В одном из номеров тогда еще мой студент Евгений Дегтярев написал статью о фильме Джона Карпентера «Чужие среди нас» [Дегтярев 2014]. Это было прекрасное начало академической карьеры. Однако Евгений, закончив бакалавриат философии, устроился работать (грустная истина в том, что не всем философам не нужны деньги – иногда это просто вопрос выживания, а не роскошной жизни). Но хорошие новости в том, что спустя несколько лет, летом 2020 года, Евгений поступил в магистратуру «Философская антропология», и я связываю с этим событием большие надежды, что отечественная философия приобретет нового яркого исследователя. Если что, то кроме статьи Евгения в номерах много важных материалов, которые имеют отношение к философии. Например, это касается текста Джеффри Уайнстока «Постмодернизм с Сэмом Рейми, или Как я научился не волноваться насчет теории и полюбил “Зловещих мертвецов”» [Уайнсток 2014].

Сегодня все эти темы не выглядят такими уж экзотическими. И во множестве возникших или давно существующих весьма традиционных академических журналах можно без опасений публиковать статьи про аниме или про сериал «Видоизмененный углерод» [Афанасов 2019; Писарев 2019]. Студенты, которые знают про эту часть моего творчества, иногда пишут мне письма с предложением вместе писать курсовые или дипломы на тему политического или социально-философского анализа вселенной Marvel или чего-то в этом духе. Теперь подобные темы мало кому кажутся криминальными или неуместными в академии, хотя в 2011 году делать диплом по «Южному парку» было довольно скандальным. В этом отношении мне приятно, что данная часть моей работы хоть кому-то полезна. Однако – и это я говорю абсолютно искренне – я совсем не тешу себя мыслью, что мог оказать хоть какое-то влияние на развитие гуманитарного знания в России. Но, чтобы не быть понятым неправильно, от этого мне не грустно. Скорее я рад, что кому-то пригодились или могут пригодиться эти номера «Логоса», в которые я вложил частичку себя, и кто-то теперь может более свободно заниматься тем, чем раньше было заниматься предосудительно.

Примерно в это время ответственный секретарь журнала «Логос» Яков Охонько инициировал номер о сериальной культуре – ровно в тот момент, когда сериалы были на пике сво-

ей моды и мы уже не отставали от западных ученых [например, см.: The Cult TV… 2010]. Разумеется, в нем поучаствовал и я, рассказав об одной из наиболее важных для меня тем – zombie studies – еще одной тогда не слишком известной у нас дисциплине. В номере об истории политической мысли есть статья о политической теории Марсилия Падуанского [Афанасов, Павлов 2015]. Она особенно важна для меня потому, что была написана совместно с Николаем Афанасовым, который тогда еще был студентом магистратуры, а сегодня стал полноценным ученым, работающим вместе со мной в Институте философии. Не знаю, считает ли Николай меня своим учителем в каком бы то ни было смысле, но я мог бы гордиться тем, что преподавал у него и мог как-то повлиять на его формирование как ученого. К слову, спустя несколько лет я с удовольствием узнал, что мой преподаватель из МГУ Андрей Георгиевич Сытин, которого я всегда очень любил и ценил, читал эту статью и даже ссылался на нее в одной из своих работ [Сытин 2018]. Я хотел бы подчеркнуть, что в «Логосе» было много важнейших и новаторских тем, которые раскрывались молодыми исследователями – например, про game studies, который собирал Александр Ветушинский и в котором участвовали молодые философы из МГУ. Просто я рассказываю свою личную историю, связанную с этим журналом, с которым, как оказывается, во многом связана и моя философская карьера. Но она связана не только с ним. В 2016 году я стал руководителем сектора социальной философии Института философии РАН, чем обязан Абдсуламу Абдулкеримовичу Гусейнову (специальный курс по этике которого я посещал еще будучи студентом), Андрею Вадимовичу Смирнову и Юлии Вадимовне Синеокой. Я продолжил или возобновил общение со многими знакомыми, но еще больше я был рад познакомиться с коллегами, о которых давно знал, но представлен не был. Это важное и, некоторым образом, символическое событие. Уже в рамках этой институции я обратился к философской подоплеке изучения популярной культуры: считается, что постмодерн упразднил разделение культуры на высокую и низкую, элитарную и популярную. Так одной из главных тем моих исследований стал постмодерн. А поскольку многими теоретиками постмодерна были марксисты, можно сказать, я очутился в родной гавани: сектор социальной философии на протяжении долгого времени носил название исторического материализма, чем я, без шуток, горжусь. За время моей работы в Институте философии я заметил, что он меняется. Важно отметить, что он и так был прекрасным местом. Но за последние несколько лет там появились замечательные молодые исследователи, которые могут реализовать свой потенциал и писать на такие темы, которые сегодня не кажется криминальными, например про «темную экологию» или про самое темное делезанство.

Исторический материализм, как ни крути, – основа социальной философии. Для меня было честью, что какое-то время назад именно этот сектор возглавлял Александр Сергеевич Панарин, у которого я успел поучиться в МГУ. То есть, с одной стороны, уважаемые и состоявшиеся коллеги (Ирина Николаевна Сиземская, Валентина Гавриловна Федотова, Юрий Васильевич Олейников, Давид Викторович Джохадзе) остаются носителями традиций Института философии и истории философского знания в России. Всеми силами мы стараемся укрепить и сохранить эти традиции – не только самих философских исследований, но и отношения к людям, к жизни, к философии. С другой стороны, новые сотрудники пришли со своими интересами и своими темами. Эти темы мы пытаемся встроить в процесс работы сектора, сложившийся за несколько десятилетий, и, смею надеяться, у нас получается.

Институт философии в этом повествовании возник не просто так. Дело в том, что пришедшие в сектор сотрудники также связаны с журналом «Логос». Например, в этом году философ Александр Писарев с коллегами подготовил трехтомник, посвященной социальной истории науки, а философ Артем Морозов, который также продолжает исследовать марксизм [Морозов 2019a; Морозов 2019b], выпустил в качестве редактора-составителя двухтомника, посвященного в том числе социально-философским прочтениям Делеза. И Артем, и Александр являются членами редакционной коллегии журнала и работают над куда более традиционными академическими темами, чем популярная культура и даже постмодерн. Тем са-

мым я хотел подчеркнуть, что журнал до сих пор играет важную роль и в моей профессиональной жизни, и в жизни сектора, с которым я тесно связан. Ведь там публикуются и другие талантливые сотрудники.

Упоминаемый мною Николай Афанасов в прошлом году представил в журнале социально-философский анализ современной войны, а в прошлом мой студент, а теперь младший научный сотрудник сектора социальной философии Эдуард Сафронов написал влиятельную критическую рецензию на книгу Ника Срничека «Капитализм платформ» [Сафронов 2019]. Конечно, «Логос» – не единственное место для публикации результатов работы сотрудников. Но все мы всякий раз гордимся, когда у наших коллег выходят там статьи. Мне точно так же лестно понимать, что Эдуард учился у меня, и я очень рад, что он связал свою судьбу с социальной философией. Точно так же я очень рад тому, что в нашем секторе смогли ужиться такие талантливые и такие разные люди разных поколений, разных взглядов и разных философских предпочтений. Несмотря на то, что кто-то из них младше, а кто-то старше, все мы занимаемся вечной темой – социальной философией без каких-либо конфликтов. Вряд ли здесь можно говорить о каком-либо единстве поколения, но скорее о единстве коллектива ученых, объединенных поисками в сфере традиционных и новейших проблем социально-философского знания.

Афанасов Н.Б. 2019. Мессия в депрессии: религия, фантастика и постмодерн в аниме Neon Genesis Evangelion. – *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – № 3;

Афанасов Н.Б., Павлов А.В. 2015. Секулярная политическая теология Марсилия Падуанского. – *Логос*. – Т. 25. – № 6.

Бэккер М. 2012. «Ненавижу хиппи»: «Южный парк» и политика Поколения X. – *Логос*. – № 2.

Витгенштейн Л. 2020. *Zettel*. – М.: Ад Маргинем Пресс.

Дегтярев Е. 2014. Социальная критика Джона Карпентера: конспирология в «Чужих среди нас». – *Логос*. – № 5.

Концепт «революция»… 2008. *Концепт «революция» в современном политическом дискурсе* / Под ред. Л.Е. Бляхера, М.В. Межуева, А.В. Павлова. – СПб.: Алетейя.

Морозов А.В. 2019a. Животное, которым я (не) являюсь: Маркс, мыслитель субъективности. – *Логос*. – Т. 29. – № 6.

Морозов А.В. 2019b. [Рец. на кн.:] Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. – *Журнал социологии и социальной антропологии*. – Т. XXII. – № 3.

Павлов А.В. 2019. Дивный, новый «цифровой мир»: постирония как ценностная установка мировоззрения миллениалов. – *Горизонты гуманитарного знания*. – № 3. – С. 16–31.

Писарев А.А. 2019. Конфликт бессмертий: биополитика церебрального субъекта и религиозная жизнь в сериале «Видоизмененный углерод». – *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – № 3.

Радаев В.В. 2019. *Миллениалы: как меняется российское общество*. – М.: Издательский дом ВШЭ.

Сафронов Э.Е. 2019. Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм. [Рец. на кн.:] Ник Стрничек. Капитализм платформ. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. – *Логос*. – Т. 29. – № 3. – С. 279–289.

«Симпсоны» как философия… 2005. *«Симпсоны» как философия: эссе*. – Екатеринбург: У-Фактория.

Сытин А.Г. 2018. Концептуальный сдвиг в понимании оснований политики в европейской мысли в XIV в.: учение Марсилия Падуанского. – *Вестник МГУ. Сер. 7: Философия*. – № 4.

Уайнсток Д. 2014. Постмодернизм с Сэмом Рэйми, или Как я научился не волноваться насчет теории и полюбил «Зловещих мертвецов». – *Логос*. – № 5.

Узланер Д.А. 2019. *Конец религии? История теории секуляризации*. – М.: Издательский дом ВШЭ.

Узланер Д.А. 2020. *Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке*. – М.: Изд-во Института Гайдара.

DeBlasio A. 2014. *The End of Russian Philosophy: Tradition and Transition at the Turn of the 21st Century*. – New York: Palgrave Macmillan.

Lee Ch. 2010. *Screening Generation X: The politics and popular memory of youth in contemporary cinema*. – Farnham, England; Burlington, VT: Routledge.

The Cult TV… 2010. *The Cult TV Book* / Ed. by Stacey Abbott. – London; New York: I.B. Tauris.